

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

«НЕДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ» В АФРИКЕ¹

Экономист о прогнозах, статистических манипуляциях, демографическом романтизме и омоложении элит

© 2019 Л.Л. Фитуни

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется достоверность и пригодность в перспективе ключевых аргументов, на которые ссылаются при оценке восходящего развития Африки в XXI веке. Происходящие изменения в мировой экономике и характер текущей трансформации мироустройства заставляют автора усомниться в том, что «догоняющее развитие» континента будет продвигаться именно так, как его рисуют базовые африканские стратегии развития и так, как о них принято говорить в последнее время в российской научной литературе. Автор показывает, что часть исходных статистических оценок и проекций существующих трендов основаны, возможно, на не вполне корректном статистическом базисе. Большое внимание уделено более трезвому подходу к роли «демографического дивиденда» в будущем. Статья систематизирует и классифицирует фундаментальные причины, по которым произошли такие просчеты, и что нужно учесть, чтобы привести оценки будущего развития к более реалистичным сценариям. Показано, что отдача от «демографический дивиденда» не возникает неизбежно сама собой. Для наступления благоприятных соответствующих эффектов нужно создавать более производительные рабочие места. Только в этом случае могут последовать ожидаемые позитивные социальные и экономические сдвиги, включая увеличение численности африканского среднего класса. Впервые экономическая проблематика догоняющего развития увязывается с разворачивающимся и стимулируемым рядом внешних игроков процессом «омоложения элит». Для этих целей внешние государственные и негосударственные акторы могут использовать санкции и другие рестриктивные меры. Автор дает классификацию и описание трех типов поведенческой модели африканской молодежи в вопросах политической активности. Понимание этих моментов в африканских условиях очень важно и имеет долгосрочную стратегическую значимость, поскольку в огромном числе стран континента молодежь составляет большую часть населения, и такая ситуация будет сохраняться еще много десятилетий.

Ключевые слова: «догоняющее развитие», экономический рост, статистика ВВП, элиты, санкции, экономическая и политическая активность молодежи, поведенческие модели в политике

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-5-17

¹ Статья подготовлена в рамках Проекта РФФИ 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

На 51-м году после основания Организации африканского единства (ОАЕ) ее правопреемник – Африканский союз (АС) принял важный стратегический документ, озаглавленный «Повестка дня на период до 2063 года» (*Agenda-2063*). Он формулирует согласованные между странами-членами АС принципы, цели и основные направления предполагаемого «инклюзивного и устойчивого развития Африки» на последующие полстолетия.

В пояснительной записке к документу говорится, что содержательная направленность документа – дать «программу социального, экономического и политического омоложения, связывающую воедино прошлое, настоящее и будущее, с целью создания нового поколения panaфриканистов, которые воспользуются уроками прошлого как строительным материалом для реализации надежд и заветов отцов-основателей во имя истинного возрождения Африки» [1].

Новый документ подтверждает идеалы и устремления начала 1960-х годов о достижении истинной независимости и преодолении отсталости. После продолжительного периода идейных метаний и шараханья от одной управленческой доктрины к другой он знаменует возврат к стратегии планомерной коллективной работы по развитию экономики и общества, что вместе и будет равносильно преодолению отсталости.

У автора нет сомнений в том, что на этом пути африканские страны сумеют достичь впечатляющих успехов. Однако остается открытым вопрос: будет ли подобный неоспоримый прогресс означать, что их отставание от развитых государств в хозяйственной или гуманитарно-общественных областях сократится?

На протяжении всего периода независимости страны Африка пытаются ускорить свое развитие и, если не нагнать, то по крайней мере сократить отставание между ними и развитыми государствами. Разрабатывавшиеся стратегии концептуально базировались на положениях многочисленных теорий социально-экономической модернизации и догоняющего развития, созданных как западными теоретиками, так и учеными из стран, некогда именовавшихся «третьим миром». Часть из них – подобно теориям «зависимого развития» – с исчезновением соцлагеря отошли в тень и почти забылись (то ли зависимость у этих стран исчезла, то ли говорить о ней стало как-то непринято...).

Первые пятьдесят лет независимого существования стран Африки, хотя и ознаменовались реальными достижениями на пути создания ими национальной государственности, развития и диверсификации экономик, определенного повышения жизненного уровня населения, все же не привели к сколько-нибудь зримому сокращению отрыва развитых стран от африканских государств.

Согласно расчетам Всемирного банка, в 1986 г. средняя величина ВВП на душу населения в двадцати самых богатых странах мира составляла \$12960. Между 1965 и 1986 годами ежегодный прирост этого показателя равнялся примерно в 2,3%, в абсолютном стоимостном выражении ежегодный прирост был равен \$298,08. В это же время ВВП на душу населения 33 наименее развитых стран мира, из которых 27 были африканские, достигал в среднем лишь \$270. При этом годовые темпы прироста подушевого ВВП у наименее развитых стран были существенно выше – 3,1%, что создавало ощущение позитивной динамики роста. Правда, в абсолютном выражении это было равно всего лишь \$8,37. Простой расчет показывает, что для того чтобы догнать по величине ежегодного прироста страны «золотого миллиарда», экономики государств Африки должны были бы на протяжении этого периода расти на 110,4% в год [5].

На самом деле, за период 1970–2018 годы ВВП Африки в текущих ценах увеличился на \$2226,8 млрд (в 21,5 раза) до \$2335,3 млрд в 2018 г. К этому времени население континента, по оценочным данным *UN Population Division (DESA)*, составило 1276 млн чел. [6], то есть годовая стоимость ВВП на душу населения по текущему курсу равнялась \$953,54. В постоянных ценах 1970 г. рост был намного скромнее – со \$108,5 млрд до \$529,5 млрд, то есть в 4,9 раза. При этом доля континента в формирова-

нии глобального валового продукта примерно остается прежней и колеблется в зависимости от конъюнктуры мировых цен на африканское сырье от 1,9% в «плохие» годы до 4% в «исключительно хорошие». В настоящее время этот показатель находится на уровне примерно 2,8%. [13].

В последние несколько лет появилось немало публикаций международных организаций и исследований ученых, предсказывающих ускорение экономического развития континента и усиление его роли в мировой экономике и международных отношениях. О причинах возрастания его важности для мировой экономики автор достаточно подробно писал в своих предшествующих работах [см. 3; 12; 14; 16-18]. Это мнение мирового экспертного мейнстрима. Оно базируется на экстраполяции доминирующих ныне трендов развития мировой экономики с поправкой на ряд прогнозируемых (пока еще не состоявшихся, но ожидаемых футурологами) качественных сдвигов в развитии глобальных производительных сил. Феномен, который стали называть *Africa rising* («Африка поднимается»), в дальнейшем стал предметом повышенного внимания не только ученых, но и политиков, военных, деловых кругов, а также международных организаций и других институтов глобального управления. Огромное количество научных работ, аналитических прогнозов, стратегий, дорожных карт и «повесток дня» строят свои перспективные оценки на базе трех наблюдений: устойчиво высоких (относительно других регионов мира) темпов прироста ВВП, быстрого роста населения, который, согласно нынешним экономическим воззрениям, уже вовсе не демографическая «бомба», а «дивиденд», и возрастающей значимости африканских сырьевых ресурсов в постоянно беднеющем ими мире.

В целом такой оптимистичный сценарий остается в мировом экспертном сообществе. Автор, еще раз подчеркиваю, отнюдь не пытается списывать его со счетов. В то же время, как представляется, многие из чрезмерно радужных оценок устаревают. Они не учитывают возрастающего влияния негативных факторов, в первую очередь глобального характера. К таковым следовало бы отнести обострение геэкономического соперничества между различными глобальными центрами силы, переход глобализации в новую, «более медленную» фазу, пробуждение и усиление тенденций к протекционизму в мировой экономике, тарифные войны и глобальное противостояние США и Китая, претендующих, признают они это или нет, на роль глобальных гегемонов.

Негативное влияние глобальных факторов

По нашему мнению, если в первые полтора десятилетия нынешнего века вероятность развития континента по вышеописанному «оптимистичному» сценарию могла оцениваться условно в 60–65%, то сегодня она находится где-то на уровне «50:50», но уже с большими шансами на снижение в сторону «40–45%» в случае построения нового миропорядка как по модели с выраженным доминированием любого из гегемонов, так и в малопредсказуемых условиях затянувшегося «бодания» между ними.

Обострение соперничества между США и КНР, потенциально создавая – подобно тому как было во времена американо-советского мирового противостояния – некоторое окно новых возможностей для отдельных африканских стран (которые, пойдя на интенсификацию сотрудничества с одним из гегемонов могут получить некоторые ситуативные выгоды), существенно ухудшило перспективы развития мировой экономики в целом. Оно вызвало волну протекционистских шагов многих игроков и существенно дестабилизировало ситуацию с точки зрения глобальной и региональной безопасности.

Мировая экономика застряла между ожиданием неуверенного роста и возвратной рецессией, что сильно ограничивает глобальный спрос на основные товары африканского рынка. Базовые индикаторы у Африки на этом фоне все еще неплохие. Темпы

прироста ВВП в период 2000–2017 гг. составляли 4,7% в год, что вывело регион на второе после Восточной и Юго-Восточной Азии место по темпам экономического развития на планете. Но при этом волатильность африканского роста остается угрожающе высокой: по сути, успешный взлет может в любой момент смениться резким падением или в лучшем случае невнятным топтанием на месте.

Экономическая ситуация в странах Африки к югу от Сахары (ССА) остается сложной, поскольку внешние и внутренние препятствия, вызвавшие замедление в 2016–2018 годах, исчезали медленнее, чем ожидалось. Ослабление внешнего спроса со стороны крупных экономик, сохраняющаяся неопределенность в политике и проблемы внутриэкономического развития были лишь частично компенсированы некоторым улучшением консолидированной международной инвестиционной позиции стран Африки и восстановлением цен на сырьевые товары. Ожидается, что рост в регионе в ближайшую пару лет будет постепенно улучшаться в течение прогнозируемого периода, достигнув 3,3% в 2020 г. и 3,5% в 2021 г. [9]. Это опять-таки лучше, чем среднемировой прогноз, но явная сдача темпа по сравнению с началом 2000-х годов. Любой конкретный цифровой прогноз на более отдаленную перспективу будет спекулятивным.

Второе. Важным, на наш взгляд, сигналом является то, что ставшие предметом гордости два десятилетия впечатляющего экономического роста пока слабо трансформируются в качественное изменение уровня жизни населения в регионе. Конечно, можно оспаривать значимость этой особенности нынешнего «подъема Африки», приводя пример первых двух десятилетий подъема Китая или Индии, спорить, что высокие темпы роста ВВП транслируются в зримое повышение жизненного уровня с определенным временным лагом. С таким аргументом можно согласиться, но при этом не следует упускать из виду и то, что за те же двадцать лет каждому из двух азиатских государств удалось принципиально поменять свое положение в международном разделении труда и завоевать ряд сегментов мирового рынка. Разрозненному же множеству африканских государств за сравнимый период времени этого сделать не удалось.

Лукавая цифра

Имеются и некоторые сомнения относительно величины цифр постоянно цитируемой статистики «впечатляющего роста» Африки. Почти не получил освещения тот факт, что в районе 2010 г. по рекомендации служб статистического учета ООН и Экономической комиссии ООН для Африки была начата работа по совершенствованию некоторых аспектов ведения национальных счетов и корректировке базы отсчета. В результате показатели годового прироста ВВП во всех странах возросли. Точные условия и правила изменений по всем странам автору выяснить не удалось. Некоторые западные источники говорят о возрастании в итоге объемов ВВП в реальном исчислении в первом десятилетии нынешнего века на 20–25%, то есть, грубо, добавка к реальному росту благодаря перерасчету могла составлять до 2–2,5% процента в год. Но в этом случае, невиданные семипроцентные темпы превращаются в пятипроцентные, а среднеафриканские впечатляющие 4,5% становятся достойным, но не сверхъестественным приростом в два с половиной процента. Повторимся, что за отсутствием точных данных приведенные нами рассуждения остаются всего лишь допущением.

Однако ряд африканских стран и критических публикаций статистических подразделений ООН дают конкретные цифры. Ниже приводится таблица старых и новых значений ВВП в некоторых странах, по которым доступна документация изменений систем учета. Поправки вводились задним числом в форме уточнения и пересчета данных с лагом изменения данных примерно 4–5 летней давности. В большинстве случаев на момент публикации старых и новых данных в национальной статистике делалась пометка о несовместимости старых и новых статистических рядов и о предстоящей работе по их

приведению к совместимому виду. Автор не располагает данными об итогах этой работы. Возможно, она пока не завершена.

Таблица 1

Результаты пересмотра методик исчисления ВВП в некоторых странах Африки

	Изменение базового года	Величина ВВП в старом измерении		Величина ВВП в новом измерении		Рост показателя ВВП в %
		нац. валюта	долл. США	нац. валюта	долл. США	
Кения (2013)	с 2001 на 2009	3.8 трлн кен. шилл.	\$44.1 млрд	4.8 трлн кен. шилл.	\$55.2 млрд	25,3
Нигерия (2013)	с 1990 на 2010	42.4 трлн найр	\$270 млрд	80,2 трлн найр	\$510 млрд	89,2
Танзания (2013)	с 2001 на 2007	53 танз. шилл.	\$33.3 млрд	70 танз. шилл.	\$43,8 млрд	27,8
Уганда (2013/14 фин.г.)	с 2002 на 2009/10 фин.г.	60.5 трлн уг. шилл.	\$21.5 млрд	68,4 трлн уг. шилл.	\$24,7 млрд	13,1
Замбия (2010)	только за 2010	77,7 млрд квач	...	97,2 млрд квач	\$16,7 млрд	25,1
Гана (2010)	с 2006 на 2010	25,6 млрд седи	\$ 17,9 млрд	44,8 млрд седи	\$ 31,3 млрд	75,0

Источники: составлено и пересчитано автором по данным [4]

Таким образом, первый ключевой аргумент в пользу оптимистического сценария, а именно: сохранение устойчиво высоких темпов роста ВВП на протяжении ряда десятилетий – возможно, не реализуется полностью, или по крайней мере его роль будет ограниченной.

Скорее следует ждать того, что на внешнем фронте замедление активности основных торговых партнеров, включая Китай, зону евро и США, может привести к резкому замедлению роста. На эти три глобальных центра экономической силы в совокупности приходится большая часть всего экспорта Африки и притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Замедление в зоне евро может усугубиться неурегулированным выходом из Европейского союза Великобритании, а дальнейшая эскалация торговой напряженности между Соединенными Штатами и Китаем может негативно повлиять на активность в обеих крупнейших экономиках мира. Более резкий, чем предполагалось, спад в Китае может особенно сильно ударить по африканским странам-экспортерам металлов, поскольку на долю Китая приходится более половины мирового спроса на металлы [7; 8]. Более низкие, чем ожидалось, цены на сырье представляют дополнительный ближнесрочный риск, так как регион по-прежнему сильно зависит от доходов от экспорта товаров.

Это в свою очередь создает фискальные риски. Национальные бюджеты, чья доходная часть сильно зависит от экспортных поступлений, могут столкнуться с тем, что проекты развития и социальные программы просто не из чего будет финансировать. Хотя условия получения внешних займов и инвестиций в последнее время стали для Африки более благоприятными, угроза торговых войн и ухудшения мировой конъюнктуры могут повернуть дело вспять.

Особенно такая ситуация будет пагубна для перспектив стран с высоким бременем задолженности или в тех случаях, когда значительная доля долга номинирована в иностранной валюте, поскольку более высокие процентные ставки и обесценение нацио-

нальных валют приведут к росту затрат на обслуживание долга и его рефинансирование. Кроме того, все это выльется в урезание той части бюджетных расходов, которые сегодня африканские страны могут позволить себе тратить на программы по борьбе с бедностью² [9]. Другими словами, удар придется как раз по ключевым элементам, составляющим в сумме то самое «догоняющее развитие» стран Африки, о котором шла речь выше.

Ускользящий «демографический дивиденд»

Призрак бродит по прогнозам развития Африки – призрак «демографического дивиденда». Это фантом успеха в догоняющем развитии за счет естественного природного процесса, в котором африканцы впереди планеты всей, не требующего от них особых усилий и характеризующегося, согласно местной поговорке, своей нехитростью.

Однако, на деле с получением реальной отдачи от так называемого «демографического дивиденда» существуют немало проблем [подробнее см.: 19 и статью И.Б. Маченко в этом номере журнала]. Предполагается, что экономики континента к 2030 г. получат мощный импульс к развитию в силу того, что к этому времени 375 млн молодых африканцев достигнут трудоспособного возраста [2]. Но ведь положительный экономический эффект от этого будет иметь место лишь в том случае, если для абсолютного большинства из них найдутся рабочие места. В противном случае эффект будет обратным. За десять лет (с 2008 по 2018 годы) в субсахарской Африке (ССА) удалось снизить (официальную!) безработицу среди молодежи с 11,6% до 11,2% [10]. Но и эта цифра не без лукавства!

Во-первых, она отражает процент официально зарегистрированных лиц, не имеющих работы, то есть в нее не включены неучтенные соответствующими госструктурами жители африканских городов и деревень, никогда не обращавшиеся за пособиями и не встававшие на учет. А скорее всего таких большинство. Во-вторых, эти показатели безработицы отчасти улучшает массовая миграция молодых африканцев за рубеж в поисках счастливой доли. В-третьих, стоит помнить, что медианный возраст населения ССА немного ниже 19 лет. Это значит, что в отличие, скажем, от Европы, Америки и большей части стран Азии, указанные 11 с лишком процентов молодых безработных отражают положение абсолютного большинства занятых. В ряде стран Европы, например, доля безработных среди молодежи выше, но экономика неплохо функционирует благодаря вкладу большей доли работников старших возрастов. В некоторых странах субсахарской Африки данные по молодежной безработице почти равны общему показателю по стране. Наконец, в-четвертых, если статистика говорит, об улучшении ситуации в ССА, то положение с безработицей среди молодежи в Северной Африке – одно из самых тяжелых в мире. По данным МОТ, с 2008 по 2018 годы она выросла с 24,4% до 28,6%, чему во многом поспособствовала «арабская весна» и последовавшая за ней нестабильность в арабском мире.

Но проблемы с извлечением пресловутого «демографического дивиденда» на этом не заканчиваются. Предположим, странам Африки удалось создать большое количество новых рабочих мест в отраслях экономики, которые могут внести вклад в рост ВВП и,

² Указанные взгляды и оценки автора развивают и конкретизируют применительно к задачам стратегии Африки данные публикации Всемирного банка. В соответствии с требованиями Всемирного банка автор подтверждает, что сам несет ответственность за свои взгляды и мнения при адаптации указанных данных к целям статьи. Они не являются выражением позиции этой организации и не санкционированы ею (This is an adaptation of an original above mentioned work by The World Bank. Views and opinions expressed in the adaptation are the sole responsibility of the author of the adaptation and are not endorsed by The World Bank).

как следствие, способствовать успеху в «догоняющем развитии». При сохранении существующих трендов велика вероятность того, что, несмотря на реальные успехи, достигнутые за годы независимости в области образования, вакансии окажутся незаполненными.

На протяжении вот уже более полувека, прошедшего со времени завоевания независимости, Африка не может преодолеть несоответствие между полученными молодежью в ходе учебы знаниями, умениями и навыками, с одной стороны, и потребностями работодателей, создающих рабочие места, с другой. Огромное число учащихся ВУЗов получают дипломы по специальностям с ограниченными перспективами на рынке труда, как правило, в области гуманитарных и общественных наук. И наоборот, в Африке число учащихся по техническим специальностям, в областях естественных наук, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и сельском хозяйстве суммарно составляет в среднем 29% от общего числа студентов африканских вузов. Это почти на 10 процентных пунктов ниже, чем в странах со средним уровнем дохода за пределами Африки [12]. Между тем подготовка рабочей силы для наукоемких и технически сложных отраслей промышленности критически важна для ускорения развития и модернизации Африки, для улучшения ее места и укрепления роли в формирующемся мироустройстве.

Суммируя, можно сказать, что «демографический дивиденд» *потенциально все еще может принести плоды с точки зрения перспектив догоняющего развития*, но здесь уже видны пробуксовки. Дело в том, что положительный эффект от «демографического дивиденда», по крайней мере в наблюдавшейся прежде исторической ретроспективе, находился в прямой зависимости от скорости демографического перехода. В Африке он сильно затягивается и признаки быстрого изменения ситуации к лучшему обескураживающе слабы [15]. Когорты дотрудоспособных возрастных групп в составе населения устойчиво имеют избыточный удельный вес, а доля трудоспособного населения, в особенности обладающего соответствующей квалификацией и умениями, недостаточна для смены существующей экономической парадигмы. Конечно, от страны к стране ситуации сильно разнятся. В Нигере, например, годовые темпы прироста населения едва ли не самые высокие в мире – 3%, а в Ботсване едва достигают одного процента. В Нигере, Уганде и Чаде медианный возраст населения ниже 16 лет, то есть, грубо говоря, основная часть населения – дети. Восемь из десяти самых «молодых» стран мира расположены в Африке, и тренды динамики мирового народонаселения таковы, что в районе 2030-х годов на континенте будут находиться все десять из десяти.

Несмотря на уверенный рост ВВП с начала века, сохраняется парадигма порочного круга, а при движении по кругу «догоняющее развитие» вряд ли имеет смысл. В целом сохраняющаяся структура африканской экономики, несмотря на впечатляющие темпы годового прироста, характеризуется невысокой производительностью труда. Несмотря на предпринимаемые национальными правительствами (правда, по большей мере декларативные) усилия, африканские экономики устойчиво не создают нужное количество дополнительных рабочих мест – не только высокопроизводительных, но любых. В результате взрослеющая молодежь хоть и вливается в ряды трудоспособного населения, но пока в большей степени подпитывает безработицу и эмиграцию, снижая стоимость рабочей силы. Дешевизна последней в Африке выступает сейчас главным генератором экономического роста. Однако она же толкает к эмиграции из более бедных стран квалифицированных работников, так и не ставших на родине средним классом. Более того, как правило, они готовы к понижению своего социального статуса за рубежом.

Другими словами, для получения эффекта от пресловутого «демографического дивиденда» в Африке нужны совместные усилия правительства и бизнеса, причем не моральные, а связанные с инвестициями и в подготовку кадров, и в улучшение структуры экономики. Вопреки призрачным видениям, «демографический дивиденд» не

возникает сам собой в виде некоего неизбежного отложенного эффекта факта деторождения. Для наступления благоприятных эффектов демографического дивиденда нужно создавать качественные, более производительные рабочие места, а через это повышать производительность труда в экономике в целом. Только в этом случае могут последовать описанные выше позитивные социальные и экономические сдвиги, включая увеличение африканского среднего класса, а экономический рост будет транслироваться в развитие.

«Омоложение» элит

Если перспективы получения «демографического дивиденда» в области догоняющего развития все еще лежат в плоскости долгосрочных прогнозов, то в области политики, социальных процессов и стабильности в обществе особенности структуры народонаселения стран Африки дают себя знать уже сейчас. И это влияние в ближайшей перспективе будет только нарастать как в силу внутренних факторов, так и благодаря активным попыткам внешних акторов использовать преобладание когорт молодых возрастов в структуре населения в своих геополитических и геоэкономических интересах. По сути речь идет о получении выгоды от присвоения «молодежного дивиденда» Африки в качестве собственного актива.

В условиях трансформации миропорядка ведущие державы борются как за природные ресурсы Африки, так и за умы и сердца ее обитателей. Как показывает опыт последних десятилетий, в том числе и в самой Африке, молодежь – благодатный материал и инструмент реализации многих стратегических планов по смещению неугодных политических режимов, а также для более долгосрочных и широкомасштабных задач по социальной инженерии на континенте и в мире в целом. В тактике современного неокOLONIALИЗМА в Африке все большее применение находит инструмент изменения внешнеполитической ориентации или открытие ее рынка через смену власти под предлогом «омоложения элит».

Старые поколения лидеров времен антиимпериалистической борьбы довольно долго находились у власти и успели за это время скомпрометировать себя настолько, что словосочетание «коррупцированный режим» ныне без особых раздумий относительно его обоснованности применяется СМИ и политиками Запада в отношении любой африканской страны. Время делает свое дело и даже самые авторитарные и неуступчивые политические лидеры и их окружение рано или поздно вынуждены уступить место новым политическим акторам и активистам, прослушавшим курсы по основам политической демократии, мобилизации масс, надлежащему управлению и борьбе с коррупцией. Надо признать, что и «старика» в Африке не очень склонны планировать собственное будущее на период, когда им все же придется оставить свой пост. Опыт многих африканских стран, когда возвращенный «преемник» становился могильщиком прежней власти, заставляет многих африканских лидеров не особо способствовать продвижению молодых вверх по иерархическим лестницам. Чаще они и вовсе исключают конкурирующую с ними молодежь из легитимной политической среды с помощью правовых инструментов или традиционных практик.

На сегодняшний день у массы африканской молодежи (а по сути, можно сказать у всего населения большей части стран континента) в вопросах политики существует три типа поведенческой модели. Первый – попытка влиться в системные политические партии и строить свою политическую карьеру через них (при этом вполне возможно долгое блуждание и переход из одной политической структуры в другую в поисках «оптимальной модели» для движения вверх). Второй – внесистемный политический активизм (для успеха на этом поприще нужны немалые ресурсы, поэтому избравшие этот путь, либо вскоре начинают обслуживать интересы определенных внутренних этнических,

политических или бизнес-групп и кланов, либо становятся инструментами вмешательства и манипулирования внешних сил). Третий тип включает индифферентную к политической борьбе или аполитичную в силу низкого уровня образования и политического самосознания молодежь.

В ответ молодые часто не видят смысла опираться в своем карьерном и политическом росте на существующие политические партии и политические системы в целом. Для целого ряда из них более легким и приятным выглядит путь превращения в «продемократического оппозиционера» – борца с коррупцией, что с большой вероятностью даст возможность получить от внешних спонсоров куда большие материальные ресурсы, а заодно технологически отработанную систему моральной, информационной, а порой и дипломатической поддержки извне.

В политическом дискурсе последнего времени очень много говорится об отсутствии или плохой работе в Африке «социальных лифтов». Не вдаваясь в подробный анализ проблемы, выходящий за рамки задач данной статьи, позволим себе заметить, что «социальные лифты» в любой стране должны, видимо, предполагать не только движение их пассажиров вверх, но и вниз. Подчеркнем, что движение в обоих направлениях может и должно относиться как к политикам у власти, так и к оппозиционерам.

За последние несколько лет усиливается тенденция к вовлечению молодежи в политические процессы в африканских странах на всех уровнях. Сам Африканский союз в «Повестке дня 2063» призывает к омоложению panaфриканизма. Это неудивительно, если принять во внимание, что большинство африканских избирателей – молодые люди. В то же время до сравнительно недавних пор у власти в странах континента находились либо представители второго поколения зрелых политиков пост-колониального периода, либо и вовсе (как в Зимбабве, Анголе, Намибии или ЮАР) лидеры и ветераны борьбы за освобождение страны от колонизаторов.

Участие молодежи в политике в Африке происходит через различные форумы, такие как молодежные организации, национальные молодежные советы и молодежные парламенты, созданные на национальном или региональном уровнях. Примером этого служит Африканский молодежный парламент. Молодежь также создает региональные молодежные адвокационные группы. Ее представители привлекаются к консультациям при разработке национальных стратегий, например, связанных с сокращением бедности. Однако работа национальных молодежных советов и молодежных парламентов часто забюрократизирована и ограничивается разовыми и целевыми демонстрационными мероприятиями.

Другой тип молодежных активистов представляют так называемые «неформальные» или оппозиционные группы, организованные по сетевому принципу, в соответствии с довольно распространенным ныне стандартным проектным шаблоном, и работающие зачастую без видимых лидеров, через координаторов низшего звена. Естественно, никакая осмысленная цель без общего и координирующего «мозга», управляющего действиями «рук и ног» недостижима. Поэтому управляющий центр на деле всегда существует, но может иметь разные конкретные формы и находится весьма далеко от «очага активности».

Основная работа низших звеньев на местах – пребывая в иллюзии свободного волеизъявления, создавать и поддерживать некоторое время видимость широкого социального протеста, через который в дальнейшем внешние игроки легитимизируют свое вхождение в сформированный конфликт и добиваются решения своих стратегических и тактических задач. Внешние игроки могут использовать общественный протест для обоснования своих силовых действий – вооруженных (как в Ливии и Сирии) или невооруженных, но не менее агрессивных, таких как эмбарго, санкции и т.д.

В силу отсутствия жизненного опыта, свойственного молодежи максимализма, определенной политической наивности и неосведомленности, возрастного стремления к

активности и «движухе», молодежь является наиболее удобным и легко мобилизуемым материалом для разжигания политического конфликта, а при необходимости и смены режима. В условиях Африки чаще всего подобные манипулятивные действия с молодежным протестом привязываются к очередным выборам, которые по объективным причинам на континенте омрачены большим или меньшим числом формальных нарушений, которые трудно и доказать, и опровергнуть.

За последние 20 лет на Западе через семинары «молодых лидеров» и подобные программы политической мобилизации прошли подготовку разного уровня почти 250 тыс. молодежных активистов. Многие из них уже стали системными оппозиционерами или гонимой властью непризнаваемой оппозицией. Результат любых выборов, в которых они не объявлены победителями, становится поводом для вмешательства Запада. Это превращает саму демократическую процедуру в силу невозможности ни при каких условиях стать в ней победителем в опасную и бесполезную для властей бессмыслицу.

В 2020 г. по объявленным ранее планам и в соответствии с существующим законодательством должны пройти президентские выборы в Бурунди, Гвинее, Кот-д'Ивуаре, Того, ЦАР, на Сейшелах, и, возможно, в Алжире (отложенные в 2019 г. на неопределенный срок), а также парламентские/всеобщие выборы в Буркина Фасо, Бурунди, Гане, Египте, Сомали, Судане, Танзании, Эфиопии и на Коморах. На 2021 г. запланированы общенациональные выборы различного уровня в Гамбии, Замбии, Республике Кабо Верде, Республике Конго, Нигере, Сан-Томе и Принсипи, Чаде, а также общенациональный референдум в Ливии и муниципальные выборы в ЮАР. До конца 2019 г. должны также пройти президентские выборы в Мозамбике.

Суммарно в перечисленных странах производится половина ВВП Африки. Попытки внешних сил использовать присвоенный «молодежный дивиденд» и пригретых молодежных активистов для смены режима через непризнание итогов выборов и организацию беспорядков в большом числе из них (что, судя по опыту, вполне вероятно) могут обернуться огромными экономическими потерями для континента и затянуть на годы период политической нестабильности в ряде стран, для которых догоняющее развитие так и останется невыполнимой задачей на отдаленное будущее.

Источники

1. AU (2013) *African Union Agenda 2063. A Shared Strategic Framework for Inclusive Growth and Sustainable Development*. Background Note. AUGUST 2013.
2. Canning, David, Sangeeta Raja, and Abdo S. Yazbeck. 2015. *Africa's Demographic Transition: Dividend or Disaster?* Overview booklet. Africa Development Forum. series. World Bank: Washington, DC. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IG.
3. Fituni L.L., Abramova I.O. *Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century*. Moscow. 2010.
4. Jerven, Morten and Magnus Ebo Duncan. Revising GDP estimates in Sub-Saharan Africa: Lessons from Ghana *The African Statistical Journal*, vol. 15, August 2012.
5. Lummis, C. Douglas. The Myth of 'Catch-Up Development'. *The Global Policy Forum*. <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/211/44206.html> (дата обращения 18.08.2019)
6. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). *World Population Prospects 2019, custom data acquired via website* <https://population.un.org/wpp/DataQuery/> (дата обращения 18.08.2019)
7. World Bank (2016). *Global Economic Prospects: Spillovers and Weak Growth*. January. Washington, DC: World Bank.
8. World Bank (2018). *Connecting to Compete 2018. Trade Logistics in the Global Economy: The Logistics Performance Index and Its Indicators*. Washington, DC: World Bank. 2018.
9. World Bank. (2019). *Global Economic Prospects, June 2019: Heightened Tensions, Subdued Investment*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1398-6.

10. https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-and-charts/enhanced/WCMS_600072/lang--en/index.htm (дата обращения 19.08.2019)
11. https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-and-charts/enhanced/WCMS_600072/lang--en/index.htm (дата обращения 19.08.2019)
12. World Bank. 2019. *The Skills Balancing Act in Sub-Saharan Africa: Investing in Skills for Productivity, Inclusivity, and Adaptability*.
13. World Bank. *World Development Indicators*. URL <http://wdi.worldbank.org/table/4.1> (дата обращения 18.08.2019)
14. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики *Мировая экономика и международные отношения*. 2017, т. 61, № 9, с. 24–35.
15. Иванов С.Ф. Демографический переход в Африке к югу от Сахары *Ученые записки Института Африки* № 1, 2019, с. 99–114.
16. Фитуни Л.Л. Африка в современной мировой системе товарной торговли *Проблемы современной экономики*. 2013, № 3 (47), с. 148–154.
17. Фитуни Л.Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития. статья 2. Реальный сектор вчера, сегодня, завтра *Азия и Африка сегодня*. 2010, № 9 (638), с. 8–14.
18. Фитуни Л.Л., (2012) *Африка: ресурсные войны XXI века*. Москва, 2012.
19. Фитуни Л.Л. (2017) Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.) *Ученые записки Института Африки РАН*. № 2 (39), с. 3–15.

“NON-CATCH –UP DEVELOPMENT” OF AFRICA¹

Economist’s observations on forecasts, statistical manipulations, demographic romanticism and rejuvenation of elites

© 2019 Leonid Fituni

FITUNI Leonid L., Prof., DSc., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka, 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the long-run reliability and sustainability of the basic arguments referred to in assessing the upward development of Africa in the 21st century. The author argues that the ongoing changes in the global economy and the nature of the current transformation of the world order put in doubt that the “catch-up development” of the continent will advance exactly as foreseen by the basic African development strategies and as it is customary to present them in scientific literature. He supports his assessment by showing that some of the initial statistical estimates and projections of existing trends may have been based on a not completely correct statistical basis. Much attention is paid to a more realistic approach to the role of the “demographic dividend” in the future. The article systematizes and classifies the fundamental reasons why such miscalculations occurred and what needs to be taken into account in order to obtain more estimates and more realistic scenarios of future development. The author insists that the “demographic dividend” does not inevitably arise by itself. For the favorable effects of the demographic dividend to occur, it is necessary to create high-quality, more productive jobs. Only in this case can the expected positive social and economic shifts follow, including the growth of the African middle class. For the first time, the economic problems of catch-up development are linked to the process of “rejuvenation of the elites” that is developing and being stimulated by a number of external players. For these purposes, external state and non-state actors may use sanctions and other restrictive measures. The author provides a classification and description of three types of behavioral patterns of African youth in politics. In African conditions understanding of those issues is crucial since young people constitute the majority of the population in a huge number of countries on the continent.

Keywords: “catch-up development”, economic growth, GDP statistics, elites, sanctions, economic and political activism, behavioral models in politics.

DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-5-17

References

Abramova I.O. and Fituni L.L. (2017) The potential of the African continent in the development strategy of the Russian economy. *World Economy and International Relations*, 61(9), p. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35

AU (2013) *African Union Agenda 2063. A Shared Strategic Framework for Inclusive Growth and Sustainable Development*. Background Note. AUGUST 2013

Canning, David, Sangeeta Raja, and Abdo S. Yazbeck. (2015). *Africa’s Demographic Transition: Dividend or Disaster?* Overview booklet. Africa Development Forum. series. World Bank: Washington, DC. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IG

Fituni L.L. (2013) Afrika v sovremennoy mirovoy sisteme tovarnoy trgovli *Problemy sovremennoy ekonomiki*. (Africa in the modern world system of commodity trade. *Problems of the modern economy*) 2013. No. 3 (47), p. 148–154.

¹ Acknowledgement: This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (Project No. 19-014-00019 “Targeted Sanctions and Regulatory.

Fituni L.L. (2010). *Ekonomika Afriki: vyzovy postkrizisnogo razvitiya. stat'ya 2. Real'nyy sektor vchera, segodnya, zavtra (African economy: challenges of post-crisis development. Article 2. Real sector yesterday, today, tomorrow) Aziya i Afrika segodnya (Asia and Africa today) 2010, No. 9 (638). p. 8–14*

Fituni L.L. (2012) *Africa: Resource Wars of the XXI Century*. Moscow: InAf RAN.

Fituni L.L. (2017) A predictive analysis of the role of the demographic dividend in overcoming structural imbalances of the socioeconomic development in Africa (2015–2060). *Journal of the Institute for African Studies (Uchenye Zapiski InAf RAN) № 2 (40). № 2 (39), p. 3–15.*

Fituni L.L., Abramova I.O (2010). *Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century*. Moscow.

https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-and-charts/enhanced/WCMS_600072/lang-en/index.htm (accessed 19.08.2019)

https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-and-charts/enhanced/WCMS_600072/lang-en/index.htm

Ivanov S.F. (2019) Demograficheskiy perekhod v Afrike k Yugu ot Sahary (Demographic Transition in Sub-Saharan Africa) *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN (Journal of the Institute for African Studies) 2019 (46), № 1 p. 99–114.*

Jerven, Morten and Magnus Ebo Duncan. (2012) Revising GDP estimates in Sub-Saharan Africa: Lessons from Ghana *The African Statistical Journal*, vol. 15, August 2012.

Lummis, C. Douglas. (2019) The Myth of 'Catch-Up Development'. *The Global Policy Forum*. <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/211/44206.html> (accessed 18.08.2019)

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). *World Population Prospects 2019, custom data acquired via website* <https://population.un.org/wpp/DataQuery/> (accessed 18.08.2019)

World Bank (2016). *Global Economic Prospects: Spillovers and Weak Growth*. January. Washington, DC: World Bank.

World Bank (2018). *Connecting to Compete 2018. Trade Logistics in the Global Economy: The Logistics Performance Index and Its Indicators*. Washington, DC: World Bank. 2018.

World Bank. (2019). *Global Economic Prospects, June 2019: Heightened Tensions, Subdued Investment*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1398-6.

World Bank. (2019). *The Skills Balancing Act in Sub-Saharan Africa: Investing in Skills for Productivity, Inclusivity, and Adaptability*.

World Bank (2019). *World Development Indicators*. <http://wdi.worldbank.org/table/4.1> (accessed 18.08.2019)